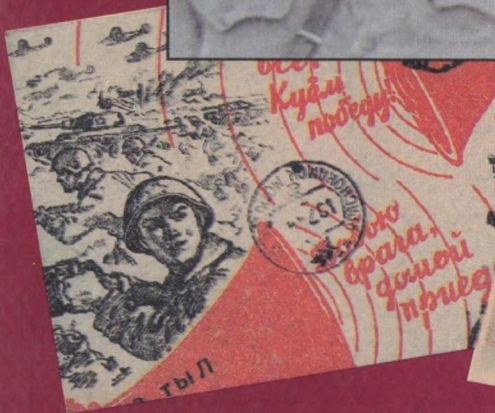

Троши,
сохрани
обо мне
память...

63
122
ВОИ
Войны Красной Армии!
восток за Редикю, как стояли Суворов,
Кутузов, Александр Невский!

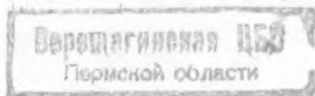

*Я шлю тебе письмо
из 45-го,
Взгляни на снимок,
сверстник дорогой,
На нем мы вместе с
нашими ребятами —
Ты посмотри, какой
я молодой.*

М. Ясень.

**«Прошу, сохрани обо
мне память...»**

252287

Пермь 2002

*По заказу
Пермского областного отделения
Российского фонда мира*

Выражаем сердечную благодарность
Департаменту культуры и искусства
Пермской области за финансовую помощь

Внос на книгу внесли дети Липина Николая Михайловича: сын Липин Юрий Николаевич, дочери — Дзюбенко Маргарита Николаевна, Субботина Ирина Николаевна и Тучина Татьяна Николаевна, а также дочь Аптукова Зуфара Гаталхаковича — Аптукова Халида Зуфаровна.

Читателю

Эта книга о фронтовых письмах только двух наших земляков — Липина Николая Михайловича и Аптукова Зуфара Гаталхачовича. А сколько было их, маленьких треугольничков, почтовых карточек, написанных чаще всего в полевых условиях, карандашом...

В этих письмах безграничная любовь к жене, детям, беспокойство об их жизни, желание помочь семье даже оттуда, с передовой, и самоотверженная любовь к Родине.

Эту книгу нельзя читать без волнения, потому что это подлинники, живые странички истории самой жестокой войны XX века. Как они, солдаты Второй мировой, хотели жить, как хотели вернуться в родной дом к матери, жене, детям. Как они просили жену беречь детей, а детей — хорошо учиться! Они верили в Победу, но дожить до нее им было не суждено.

Светлой памяти героев, павших смертью храбрых во имя мира и любви, посвящается эта Книга.

З. Козлова.

Липин Николай Михайлович

Биография

ЛИПИН Николай Михайлович родился в феврале 1908 года в городе Екатеринбурге в семье медицинских работников: отец — фельдшер, мать — акушерка. В 1924 году окончил школу II ступени и до 1931 года работал в Бактериологическом институте города Свердловска лаборантом.

За это время им были написаны 6 научных статей, которые печатались в отечественных и зарубежных журналах. Он самостоятельно изучил английский язык и владел им в совершенстве.

В 1931 году Николай Михайлович поступил в Пермский медицинский институт на санитарно-гигиенический факультет, который окончил в 1935 году, получив диплом с отличием.

После окончания института, с 1935 года по декабрь 1936 года, работал в городе Тюмени в Бакинституте врачом-бактериологом. С декабря 1936 года по февраль 1937 года служил на действительной службе в Красной Армии. С января 1938 года по май 1939 года Николай Михайлович работал в городе Перми ординатором терапевтической клиники медицинского института.

С мая 1939 года по июль 1941 года работал главным врачом городской больницы в городе Краснокамске. С июля 1941 года по декабрь 1942 года работал начальником терапевтического отделения эвакогоспиталя № 3139 в городе Краснокамске.

Николай Михайлович был талантливым администратором, высококвалифицированным врачом-терапевтом, отличался высокой культурой и всесторонней образованностью.

17 декабря 1942 года Краснокамским ГК КПСС принят кандидатом в члены партии.

В декабре 1942 года был призван в действующую армию, где работал начальником терапевтического отделения передвижных полевых госпиталей № 40 и № 37.

За время пребывания на фронтах Великой Отечественной войны Николай Михайлович получил следующие награды и поощрения:

1. Медаль «За отвагу» № 524610 от 10 октября 1943 года.

2. Благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 14 января 1944 года.

3. Благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 24 июля 1944 года.

4. Орден Красной Звезды № 948087 от 30 сентября 1944 года, приказ № 289/н.

5. Медаль «За оборону Сталинграда» № 05385 от 3 ноября 1944 года.

Майор медицинской службы Липин Николай Михайлович героически погиб 19 февраля 1945 года.

Память

Наш отец, Липин Николай Михайлович, врач, гвардии майор медицинской службы, прошел дорогами войны с 1942 по 1945 год и погиб в феврале 1945 года. Он был начальником отделения передвижного полевого госпиталя № 37 при 1-м Белорусском фронте. Прошел путь от Сталинграда до Польши, через Украину и Белоруссию.

Он был очень талантливым человеком, с отличием окончил Пермский медицинский институт и работал ординатором в терапевтической клинике г. Перми, а затем главным врачом в г. Краснокамске. В совершенстве владел двумя иностранными языками (немецким и английским), прекрасно пел (у него был красивый баритон),

играл почти на всех музыкальных инструментах.

С фронта мы получали письма. Он очень скучал по семье, по детям и писал нам часто. Мама сохранила письма отца, которые мы бережно храним как память об отце и память о той войне, которая унесла жизни более 20 миллионов людей.

А писал он прекрасно... Недаром он мечтал, что если останется жив, то напишет книгу о войне, книгу о любви и ненависти, о любви к своим детям, нашей маме, Родине и о ненависти к врагу, напавшему на все то, что нам так дорого.

Я всегда жила под впечатлением от писем отца с фронта, рассказов о нем, и мне захотелось найти могилу отца, поклониться его праху. Это был 1965 год. Я жила тогда в Белоруссии. И началась моя длительная переписка. У нас была похоронка, что он погиб в г. Бернштайн

(Германия). Но такого города не было ни на одной карте. Архивы подтверждали только похоронку. И тогда я написала в Общество советско-германской дружбы, и мне ответили, что г. Бернштайн — это г. Пелчице (Польша). Из г. Пелчице сообщили, что могила перенесена в г. Мыслибуж на военное польско-советское кладбище. Потом я стала искать сослуживцев отца. Переписываясь с ними, узнала об отце еще больше: каким он был замечательным человеком и прекрасным врачом. А вернувшись в Пермь, мы стали писать снова, чтобы получить разрешение и съездить вместе с мамой на его могилу. Приглашение получили, но мечте удалось сбыться только в 1998 году. Сестра Татьяна съездила в Польшу на могилу отца частным образом, а в 1999 году мы с сестрой Ириной посетили Польшу в составе группы участников рейса мира, дружбы и памяти, организованного

Пермским областным отделением Российского фонда мира. Мы поклонились отцу и всем солдатам, оставшимся навсегда в польской земле. Мы стояли с сестрой у могилы отца и говорили ему: «Спи спокойно, наш дорогой папа. Мы всегда помним тебя и любим, как ты любил нас. У тебя восемь внуков и девять правнуков. Пусть через много лет, но мы приехали к тебе. Пусть польская земля будет тебе пухом».

Мы росли без отца и почти не помним его, но с нами всегда была наша любимая, заботливая мама, Мария Михайловна, заслуженный врач-хирург РСФСР. Она сумела воспитать нас и всем четверым дать высшее образование. Старший брат Юрий — доцент технического университета, кандидат технических наук, а младшая сестра Ирина пошла по стопам родителей. Сейчас она доктор медицинских наук, профессор медицинской академии, хирург-офтальмолог.

И трое внуков продолжают любимое дело наших родителей.

Всегда с нами, теперь с восемью внуками и двенадцатью правнуками, его добрые, нежные и мужественные письма. Это вечная память о нашем дорогом папе, дедушке, прадедушке.

Старшая дочь Н. М. Липина

Маргарита Николаевна ДЗЮБЕНКО.

17 января 1943 г.

Родная моя, любимая — пишу тебе из хаты, где остановился ночевать. Темно. Чадит коптилка. Тишина. Спят хозяева, ребяташки. Где-то далеко слышатся глухие орудийные взрывы, бьет тяжелая артиллерия. Я все еще странствую, и не видно конца. Устал от дороги, без работы, без коллектива. Исключительная выпала на долю дорожка. Донимают холода. Надел на себя все, что было со мной. Полусон, полуеда — такова наша походная жизнь.

Я сейчас понял, что все мы в тылу совершенно не представляем себе войну как она есть. Описания и даже разговоры наших пациентов — это одно, а испытать все самому — это другое. Если буду жив — напишу когда-нибудь книгу о войне.

Тоскую, мучительно тоскую о

доме. Представляю себе всех вас, любимых, родных, часто, часто. Вспоминаю с нежностью, с любовью. С удовлетворением замечаю, что во мне нет никакого страха, его, вероятно, и не будет, но мысль о том, что, может быть, не придется увидеться с любимыми — наводит на меня тяжелую тоску. Иногда мне кажется, что это неизбежно так и будет, иногда верю, что вернусь. Так проходит моя жизнь — новая, не похожая ни на что, пережитое раньше. Если останусь жив, будет хорошая закалка. От прежнего останется только постоянная нежность и любовь к моим дорогим, любимым. Вот это не изменится никогда.

Пожелай мне удачи в моем пути, родная. Ты одна моя радость, надежда и светлый маяк. Не забывай об этом.

Крепко, нежно целую тебя, дорогих моих деток, маму. Всегда твой Коля.

18 января 1943 г., г. Ленинск

Дорогая моя, друг мой любимый — все еду и еду. Бесконечные этапы — трудная и надоедливая дорога. Война совсем рядом, но как-то еще не доходит до сознания. Издалека слышна канонада, летают самолеты, но это еще не настоящая война, через несколько дней буду, вероятно, видеть иные картины... Тоскую, очень тоскую. Слов нет выразить тоску и боль расставания.

Как ребятки мои — сыночек Юрочка, девочки? Вспоминают ли они о папе? Как ведут себя? А папа все время вспоминает о них с нежностью и любовью, постоянно они у меня перед глазами.

252287

Завтра поедем в самую гущу событий. Воевать придется долго, пока последний немец не оставит нашу землю. Сколько это еще продлится — трудно сказать. Только совершенно ясно представляю себе, что вряд ли можно выйти нетронутым из войны, находясь так непосредственно близко к ней. Остается пожелать, как поется в песне — «если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой».

Если уж не придется увидеться, родная, то не забывай, что до последнего дыхания — всегда ваш, весь с вами, любимыми моими, желанными. А может быть, и вернусь живым, здоровым и как всегда любящим. Судьбу свою мы вперед не знаем. Так хочется узнать — как вы все живете — хотя бы одно слово ласки и привета. Боюсь, что раньше чем через месяц не сумею получить от

252287

17

Верещагинская ЦСБ

Псковской области

тебя весточку. Первое письмо от тебя будет огромной радостью.

Крепко, нежно целую тебя, ребят-ток, маму. Не забывай, родная, не оби-жай меня.

27 января 1943 г.

Дорогая мама — крепко целую, род-ная. Только позавчера, после длинной и трудной дороги, добрался до места работы, до своего коллектива. Ехал ровно месяц. Сейчас начинаю входить в курс своей новой жизни. Кругом вой-на, настоящая война, не та, о кото-рой мы знаем в глубоком тылу только по газетам. Как далеко я от вас, род-ные мои, любимые. Придется ли сви-деться и когда? Если даже и жив буду, то долго, очень долго не видеть мне всех вас. Очень тоскую. На фотогра-фии ребятшек не могу смотреть спо-койно — сердце сжимается от боли.

Родная моя, береги ребятешек, пусть они не забывают о папе.

Никакие трудности войны мне не страшны, смерти не боюсь, а вот расставание хуже смерти, как поется в песне. Все мои мысли только о доме, о всех вас, любимые мои. И если придется умирать, то до последнего дыхания — весь с вами и ваш.

Теперь вижу войну каждый день, вижу разрушения и смерть. Нужно привыкать к этой новой жизни. Если не для себя, то для детей наших нужно обеспечивать победу, чтобы снова была спокойная и хорошая жизнь. Немцев гонят здорово, не дают им передышки. Они еще сопротивляются, но это уже не те немцы, что были в прошлом году. Я сам видел целые кладбища машин и всяких трофеев, которые они оставляют при своем поспешном отступлении. Если так же пой-

дет и дальше, то я со своей частью скоро заеду очень далеко.

Жизнь здесь суровая, военная. Задумаешься так вот о родных местах, о доме, о близких людях, и тоска заберет — нет, кажется, исхода. Хочется хотя бы на минутку перенестись домой и посмотреть на всех вас, хотя бы на минутку!

Родные мои, будьте здоровы все. Не забывайте папу, который всегда с вами. Пишите мне чаще. Письма для меня — единственная радость. Ваш Коля.

30 января 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую. Отправляю тебе письма уже с адресом — когда-то получу ответ. Несмотря на перенесенный очень трудный путь, здоровье удовлетворительное. Мир внутренних пережи-

ваний очень велик, много военных впечатлений, но над всем этим властвует одно чувство — тоска по дому, по родным, близким людям. Все остальные чувства как-то бледнеют, так как слишком остра мучительная тоска. Чисто военные переживания не вызывают страха, начинается, видимо, привыкание, но пока еще не могу полностью отделаться от неприятного, тревожного чувства, когда над головой кружится немецкий самолет или поблизости рвется бомба, но, видимо, и к этому скоро привыкну. Это ведь судьба, что она сулит — знать не суждено, поэтому и волноваться не стоит. Думаю, что такое отношение у меня скоро выработается. Все ведь это не сразу. Хвастун тот, кто говорит, что ему на войне не страшно. Это пустое хвастовство. На войне страшно, вся задача в том, что-

бы владеть этим страхом, быть над ним господином, а не рабом. Это приходит постепенно. И тогда можно относительно спокойно работать и жить, даже в самых суровых условиях.

Но что для меня действительно страшно — это расставание с домом, ощущение большой дальности от всего, что было так близко и дорого. И сомнение — увижу ли снова дорогих моих — тебя, ребятки. Вчера долго, долго смотрел на ваши фотографии, как живыми представлял вас всех, любимые мои, желанные.

Родная моя — хочется в эти бледные слова вложить всю силу нежности, любви и тоски, чтобы поняла это, почувствовала и не забывала бы твоего любящего мужа, друга. Целую крепко, всегда твой Коля.

20 февраля 1943 г.

Родная моя — крепко, нежно целую. Уже два месяца, как я тебя не вижу, сколько их, таких месяцев еще впереди? Трудно вести этот счет! Получаешь ли ты мои письма, любимая? Я еще ничего не получал. Неизвестность очень тяжела.

При таком быстром темпе нашего наступления долго сидеть на месте не придется, скоро, вероятно, и Украина будет снова нашей. Много придется разных мест повидать за время войны. Широка страна моя родная!

Как живешь ты, родная моя, как вы питаетесь? Боюсь, что не хватит картофеля. Не обижают ли тебя с квартирой? Если весной будет трудно — продай велосипед. Часто смотрю на ваши фотографии, родные мои, желанные. Дорогие образы

запечатлены в душе. Всегда, всюду, при любых обстоятельствах, всем сердцем с вами, мои любимые. Крепко, нежно целую тебя, ребяток. Всегда твой Коля.

2 марта 1943 г.

Дорогая моя — пишу тебе с нового места, пока с перепутья, в ожидании дальнейших передвижений. Сижусь в хате, за окном серый, тоскливый весенний день, голые ветлы, летают сороки... Унылый пейзаж. Не верится, что это то самое место, которое по описаниям Шолохова выглядит так красиво. Очевидно, и природа хороша тогда, когда в душе существует известная гармония. На этом месте мы будем недолго, идем в дальний путь. Адрес мой изменится. Боюсь, что письма, которые ты, может быть, написала по старому

адресу, до меня не дойдут. Вообще, с этой переменной можно еще очень, очень долго не иметь от тебя писем.

Я вырабатываю в себе, и, кажется, успешно, спокойное и здоровое отношение к превратностям и опасностям фронтовой жизни. Хотя настоящей опасности, лицом к лицу, я еще не видел, но кое-что было, то, что в тылу никогда не увидишь и о чем не представляешь себе вне фронта. Надеюсь, что и в дальнейшем я не дрогну перед лицом и больших трудностей.

В хате, где я остановился, есть маленькие дети, семья просыпается рано, и хатка наполняется детским лепетом. Я лежу под одеялом и кажется мне, что я дома, что это проснулись мои детки. Потом приходит сознание действительности, и сердце сжимается от невысказанной боли. Юрочке я написал недавно письмо, лично ему.

да получу же я письмо. Только чаще нужно писать.

Крепко целую тебя, всех. Будьте здоровы, любимые мои! Ваш Коля.

26 марта 1943 г.

Родная моя, любимая — пишу тебе с дороги. Как вы живете, дорогие мои! Не получал еще ни одного письма, очень болит душа. Все время думаю о вас, много беспокойства и разных сомнений.

На днях иду в бой. Мыслей о смерти как-то нет. Выработал в себе какое-то равнодушие к превратностям войны. Думаю, что буду всегда работать хорошо, как полагается верному сыну своей родины и коммунисту. А жить хочется очень. Здесь такое яркое, весеннее солнце, снега нет. Не хочется даже и думать, что это, может быть, последняя весна в

жизни. Оставить этот мир, оставить тебя, детей — все это как-то не укладывается в сознании. Пока жив — думаешь о живом. Одна острая, жгучая тоска по тебе, по детям — вот чем живу я теперь, как и все дни расставания. Вчера минуло три месяца, как я простился с тобой, моя дорогая. И нисколько тоска не утихает, а неизвестность еще больше растрavляет эту рану.

Очень возможно, что мой адрес еще раз изменится. Этого боюсь, так как опять долго не смогу получить от тебя весточки — когда-то придет новый адрес. Но пока пиши по старому.

Как живут мои деточки, здоровы ли они? Как сыночек? Шлю ему особый привет, крепко целую — ведь он понимает уже все. Два раза видел его во сне — большая была радость для меня.

*Не забывай меня, родная! Всегда я
ваш, всегда и везде с вами моя любовь,
нежность, преданность. Если уж не
суждено свидеться — такова судьба.
Но пока жив — твой всегда. Не забы-
вай! Крепко целую, обнимаю моих лю-
бимых. Коля.*

27 марта 1943 г.

*Родная моя — целую крепко. Очень
часто пишу тебе, но пока не получил
ничего. Несколько ласковых строчек
от любимой — это была бы большая
радость. Вы там даже не представ-
ляете, как читаются ваши письма на
фронте! Тут «пьют» каждую букву,
а не то что слово, пьют, как чело-
век, которого измучила жажда, и
он припал ртом к источнику. И как
это хорошо бывает, если источ-
ник свеж и чист! С каждой кап-
лей вливаются могучие силы жизни.*

Когда отогревается сердце, то и шинель, примерзшая к земле, кажется теплой. Когда освежаются чувства, то и палящая жара переносится легче, а усталость смывает, как вешним ливнем. А если нет долго письма или оно неласково, небрежно, с холодком, который сквозит между строк, тогда за пазуху шинели заползает злая обида и точит сердце, как червь яблоко. И какие только мысли тогда не придут в голову! Поневоле кажется: с глаз долой — из сердца вон. Вот что такое ваши письма и вот почему так тяжело без них.

Как ребятки? Уделяешь ли ты им достаточно времени — боюсь, что нет. Ну, хотя бы одну строчку — знать, что все вы живы, здоровы. Будьте здоровы, любимые мои! Всегда ваш Коля.

30 марта 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя и ребяток. Я очень переживаю отсутствие от тебя писем. А если действительно адрес еще раз изменится, то не знаю, когда и получу от тебя долгожданную весточку.

Здесь так много горя, страдания и смерти. В далеком тылу этого не понять — надо пережить самому. Особенно тяжела смерть детей. И на них накладывает свою смертельную печать война. Видя все это, сжимается сердце, и одно только чувство, чувство ненависти к поджигателям войны, овладевает тобой. Скорее бы уничтожить эту гадину, которая покусилась на нашу родину и на наш мирный труд. Я сделал большой путь. Какие необъятные просторы, какие богатые места! Ведь все это наше, родное, и никому мы землю нашу не отдадим.

Липина
Мария
Михайловна,
врач-хирург
ЭГ № 3139
г. Краснокамска,
1942 г.

Юра и Рита Липины, 1940 г.

4/III 43 ✓

Родная моя, любимая - крепко, нежно
 люблю, обнимаю. Тебе, дочка, я уже писал
 тебе, что получил твои письма из
 Свердловска и из Красной Горы от бр.
 Ой, тебе тебе не так не очень раз. Как
 приятно сознавать, что ты то же дело что
 и я, родной, безопаснее родной человек,
 что о тебе помню, люблю... Приятно с
 тобой созвониться, а не страшно
 вступить любви труднее. Ты уже
 знаешь из газеты, что вышло Коммуна
 переформирована, начались кризисы будни
 в... Воя не жалит посылки с...

Письмо Н. М. Липина домой.

Н. М. Липин — начальник терапевтического отделения ППГ — с медсестрами, Польша, август 1944 г.

А № 051210

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ №

Пред'явитель сего Свардиги Капитан Медицинский
Службы Липин Николай Михайлович
(звание, фамилия, имя и отчество)

награжден приказом по 7-му Гвардейскому Кавалерийскому
полку Порфию № 025 от 13 Октября 1943 г.
(указом или приказом)

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Орденом, медалью За отвагу

Орден, медаль за № 524610

Липин Николай Михайлович
Полковник в отставке
(полное наименование должности и военное звание)
7-й Гвардейский Кавалерийский полк (Казанский)
13 Октября 1943 г.

ДТ ИКО. 533-08

Временное удостоверение А № 051210.

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ В № 545222

Пред'явитель сего Гв. лейтенант медицинской службы
Липин Николай Михайлович
(звание, фамилия, имя и отчество)

награжден приказом Воеводою перед Белгородской
фронты № 289/н от 30 Октября 1944 г.
(указом или приказом)

ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ.

Орденом, медалью Красная Звезда.

Орден, медаль за № 948087

Липин Николай Михайлович
Полковник в отставке
(полное наименование должности и военное звание)
Гв. Генерал-лейтенант
30 Октября 1944 г.

ДТ ИКО. 533-08

Временное удостоверение В № 545222.

Выпускники Пермского медицинского
института, 1935 г.

2-й ряд: 2-й справа Н. Липин, 4-я справа —
М. Липина.

Выше черты не пишите! 27/4 48

Мой дорогой, мой самый сыночек,
Юрочка! Наче криво, криво уснул
тебя, ручной мой. Буди зорь, слушай
мелодию бабушки, улыбки дружно в
сестренкам и не забывай о твоем
маме. Наме на войне, там далеко,
раченя и тебе, но все же сеньшай
он о своем детях и о тебе,
ручной мой мальчик. В этом году
ти беряток найдешь в школу, писи
на сенье еще не беряты к тебе

Письмо Н. М. Липина сыну.

Вам, конногвардейцу гвардии майору
ше Миличу Л. М. приказом
Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза това-
рища Сталина от 24 июля 1944 г.
за отличные боевые действия
объявлена благодарность

М. М. Константинов
М. М. КОНСТАНТИНОВ.

Благодарность Сталина.

Екатерина Ивановна Олейникова — старшая медсестра терапевтического отделения ППГ, Польша, 1944 г.

И И О

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

20. 01. 1915

ВЛАДИМИРЪ Д. СЕРГЕЕВИЧЪ СЕРГЕЕВЪ, Мухоморовъ

Шуцке въ Липинъ, Мухоморовъ

за образцовое исполнение заданных
командований на фронте в борьбе с немцами был удостоен ордена
Святого Георгия 4-й степени и награжден орденом, медалью
"Красная Звезда", медалью имени 3-х Обер-офицеров и 3-х оборотных
Святого Георгия.

17-го февраля 1915 г. в боях за Соцквалостро
ную голубу был шуцке ~~генерал-майор~~ ранен и убит

Ран. в голову в результате удара орудия
медаль 3-х оборотных Святого Георгия и 3-х оборотных
Красной Звезды как память о нем шуцке

НАЧАЛЬНИК ШТАБА В/Ч 00715
Генерал-майор

НАЧАЛЬНИК ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛА
Генерал-майор

Субинин П. П. ШИТОВ

Дети Н. М. Липина (слева направо) Татьяна, Юрий, Маргарита, Ирина на 50-летию школы № 1 г. Краснокамска, 1986 г.

Мария Михайловна Липина (в центре) с детьми и правнуками, 1995 г.

Дочери Н. М. Липина Маргарита и Ирина у могилы отца
в г. Мыслибуж, Польша, 1999 г.

Если жить буду, родная моя, то вернусь уже не тем, каким был. Ненавидеть врага и любить жизнь — вот чему учит война. Но каким бы я ни вернулся, любимая моя, одно не изменится — моя любовь к тебе и к ребятам нашим, не изменится моя нежность, преданность родной семье. Война научает ценить еще больше свое личное счастье. Ведь из суммы этих отдельных радостей складывается общая радость.

Как мои детки родные живут? Вспоминает ли папу Юрочка? Береги их. Всегда думаю о них с несказанной любовью и нежностью. Как тяжело, если они останутся без отца, другой им не заменит меня никогда. Эту мысль гоню от себя. Пока жив — думается о живом.

Родная моя, любимая, друг мой — не забывай! Где бы ни был я и что бы со мной ни случилось — всегда с

тобой моя любовь, моя нежность. А если и ты ответишь таким же чувством — то не будет для нас в жизни ничего радостнее, как будущая встреча!

Будьте здоровы, дорогие мои! Целую крепко всех — тебя, ребяток, маму. Всегда твой Коля.

12 апреля 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Выздорабливаю. Лежу — необычно много свободного времени — много дум, все они связаны с домом. Неизвестность мучает, мучают всякие сомнения. Думаю о детях, о тебе, о доме. Мои друзья приходили меня навещать. Пели мою любимую фронтовую песню. В темноте, света не зажигали. Мотив этой песни простой и такой грустный. Слушал и вспоминал всю жизнь...

Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
Мне играет в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты теперь далеко, далеко,
Между нами поля и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Эта простая песня здесь на фронте производит исключительное впечатление — по силе заключенных в ней чувств — я не слышал ничего подобного. Но только я самовольно изменил

именно как любящие дети. И если жена забудет меня, то пусть любовь детей останется со мной. Я пишу «если», но произносить это слово, поверь, очень нелегко. Среди бурь и гроз войны хочется сохранить и пронести незапятнанной свою мечту о счастье. К этой мечте здесь, на фронте, мы относимся очень ревниво, и больно сознавать, если к этой мечте будут прикасаться чужие и, в сущности, равнодушные руки и сердца.

Как здоровье Мама? Передай ей, что я часто, часто вспоминаю о ней с чувством сыновней нежности и благодарности. Целую Любочку, Марту, Веру. Привет Толе, Фисе.

Будьте здоровы, любимые мои! Первая наша забота, всех нас — это разбить, уничтожить ненавистного врага — это единственный путь к счастью родины, а следовательно, и к сча-

стью нашему — твоему, моему и миллионов советских людей. Целую вас всех, родные мои. Не забываюте. Всегда, всей душой с вами, весь ваш Коля.

Береги детей. Не забывай, что у них еще есть отец, а у тебя муж — любящий всех вас безгранично.

18 апреля 1943 г.

Родная моя — целую крепко тебя и всю семью. Поздравляю всех вас, дорогих моих, с приближающимся праздником 1 Мая. Не довелось мне провести этот праздник нынче в кругу семьи. Как мои детки, здоровы ли они? Наверно, они очень мало видят свою маму. Хотя бы узнать — здоровы ли все вы, родные мои? Юрочке я пишу письма, надеюсь, что и он, с твоей помощью, напишет папе письмо. Почему-то особенно вспоминается один момент. Я сижу в своем кабинете в

госпитале и работаю. Окно раскрыто. Сыночек подходит тихо, тихо. Вдруг в окне появляется его улыбающаяся рожца и он говорит только одно слово «папа»! В интонацию его голоса столько вложено детской нежности, столько милого лукавства, столько прелести, которой обладают только дети... Должен сознаться, что это простое воспоминание вызывает у меня слезы на глазах и мне не стыдно в этом сознаться. Затопляет такая волна нежности и любви к ребенку, что становится трудно дышать и к горлу подходит какой-то клубок. Десятки таких воспоминаний, касающихся сына и дочерей, часто, часто посещают меня.

Наверно, вы уже готовитесь к празднику. В эти дни, когда вся страна все свои помыслы отдает фронту, хотелось бы, чтобы и для меня, крошеч-

ной частицы этого фронта, донеслось живое приветствие от близких мне, родных людей. Это такая радость, о которой я могу только мечтать!..

Сердечный, первомайский, фронтовой привет всем моим бывшим товарищам по работе. Крепко, крепко целую всех моих дорогих, любимых — тебя, деток, мамочку и Марту. Пока жив, до последнего дыхания всегда ваши и с вами. Коля.

24 апреля 1943 г.

Родная моя — крепко целую. Поздравляю с праздником. Живо представляю себе праздник в родных местах. Многое приходит на память. Как живут мои дорогие ребятки? Мысли о них дают мне много радости. Если я и думаю о будущем, то всегда связываю его с мыслями о детях. В моих одиноких думах дети — мой

крепкий якорь. Если не придется увидеться — ты одна будешь для них всем, так как никто не заменит им отца. Будьте здоровы, мои дорогие, крепко целую маму. Представляю себе наш дом, наш город — где все это? Крепко целую всех. Всегда ваш Коля.

29 апреля 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Еще раз поздравляю тебя с наступающим праздником. Так хотелось бы, чтобы в этот день получить слова приветия от родных моих. Здесь, где я нахожусь, весна щедро рассыпает свои дары — совсем не так, как у нас на Урале с его милой, родной, но несколько суровой природой. Расцвели яблони, расцвели груши, жарко; на реках громогласные лягушачьи концерты, птичий гомон — не то что у нас в это вре-

мя. Нет здесь наших задумчивых лесов, нашего спокойного, бесконечно родного уральского пейзажа... Хорошо здесь, на родине — лучше. И подумать только, что на фоне этой роскоши весенней природы щедро расцветают цветы войны, что все это великолепие быстро поглощается иными звуками, иные концерты звучат в ушах и слишком много крови... Только на фронте в полной мере постигаешь два чувства — любовь и ненависть. Любовь к родине, к своей земле, к своим милым, родным людям и ненависть к врагу, посягнувшему на все то, что для всех нас так близко и дорого.

Я стал очень редко видеть сны, но если и вижу, то в этих снах появляются мои ребятки, особенно Юрочка. Как только вспомню о сыночке, так сразу какая-то волна нежности заливает сердце. Неужели не придется

увидеть больше детей, неужели они забудут скоро отца?!

Крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Всегда твой, всегда любящий Коля.

18 мая 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Пишем от вас все еще не получал, уже совсем потерял надежду получить. Неужели забыли все меня? Так больно это сознавать. Письма, вероятно, где-то блуждают и не могут догнать меня, так как адреса мои изменились третий раз. Последнее время на месте не сижу, все в движениях, переездах. Вижу новые места, смотрю и не могу насмотреться на природу. Во время войны мы чувствуем природу очень сильно и очень больно. Восход солнца и закат, желтый пух ивы, про-

стое облако, отраженное в реке, или запах цветов в поле и маленькие осы, гудящие над травой, — все чистое и свежее, чем полна жизнь, — видишь во время войны иначе, смотришь и не можешь насмотреться. И жалко эту природу, и больно за нее, и даже странно немножко от того, что в этом грохоте и чаде смерти все так же цветет ива и так же, разворачивая землю, первый одуванчик выгоняет свою влажную зеленую стрелу.

Не передать тебе, родная, словами, как я тоскую о тебе и детях. Это сильнее всяких слов. Ведь в жизни ты одна у меня, ты и дети — самые близкие, дорогие существа. Думаю о вас всегда с радостью и нежностью, дорогие мои, желанные. Мне кажется, что не видел вас так давно, что прошли целые годы со дня расставания. Пока я здоров, судьба меня пока хра-

дость. Получить весточку из родных мест, видеть родной почерк, пить, жадно пить слова приветов от любимой — как это много значит здесь на фронте! Я перечитывал письмо много раз, сейчас же сажусь писать ответ. То, что вы все живы и здоровы — одно это для меня радостно. Что жить тебе с такой большой семьей нелегко, особенно сейчас, без мамы — переживаю это, дорогая моя, очень остро. Ты много работаешь, дети почти одни — все это меня очень угнетает.

...Мне делается светло и радостно, зная, что ты любишь меня, не забываешь. Хочется жить, хочется хорошо работать, не пугают никакие трудности. Разбить ненавистного врага и вернуться к новой жизни, к тебе, моя любимая, к детям... С радостью прочитал, что и детки меня не забывают. Похудел Юрочка — пи-

шешь ты. Ему я одновременно отправляю письмо. Хочется узнать подробней, как ты работаешь, что нового в нашем городе.

Родная моя, любимая, мой дорогой друг — крепко целую тебя, ребяток. Пиши чаще, как можно чаще. Сердечный привет всем, кто помнит меня. Может быть, буду жив-здоров и снова обниму моих желанных и любимых. Всегда ваш, мои дорогие, любимые. Коля.

3 июня 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток. Все эти дни живу под впечатлением твоего первого письма. Какая это радость для меня, тебе это трудно представить! Ведь здесь на фронте так радостно сознавать, что в мире ты не один, что есть где-то далеко любящее сердце, тянущееся к тебе, как и ты рвешься к

нему... Хочется еще получить письмо от сыночка, след его родной ручонки. Наверно, детки уже в лагерях. Я очень беспокоюсь за их здоровье. Когда мне приходится есть какие-нибудь вкусные вещи, я всегда вспоминаю о детках, и хочется, чтобы это ели они, а не я.

...Родная моя, кажется целую вечность я не был дома. Неужели придет время, когда снова будем мы вместе. Мне кажется это таким большим счастьем, что при одной мысли об этом как-то не хватает воздуха от волнения. О смерти не думаю. Хочется жить, как хочется жить! Сердечный привет всем моим бывшим товарищам, всем, кто помнит обо мне и вспоминает добрым словом. Всегда твоя — радость моя, любимая!.. Крепко целую тебя, Юрочку, Ритусю, Тачку, Ирочку. Пишите чаще. Будьте здоровы, желанные мои!

7 июня 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, крепко целую тебя, ребяток. Прошла уже неделя, как я получил от тебя первое и пока единственное письмо. Перечитываю его много раз, впитываю всей душой слова ласки и приветов от любимой. На письмо твое, конечно, сразу ответил. Боюсь, что мой адрес опять скоро изменится. Это означает, что опять потянутся долгие месяцы без писем — пока ты не узнаешь нового адреса. Да и те письма, которые уже в пути, могут до меня не дойти. Все это очень угнетает меня, но помочь в этом деле ничем нельзя. Только бы получать от тебя письма — это большое счастье и больше мне ничего не нужно. Вот одно письмо получил и то, какой заряд радости, бодрости и счастья. Трудно это словами выразить, любимая моя! Как ребятки? Здо-

ровы ли? Неужели еще не приехала мама? Все домашние вопросы меня очень волнуют.

Родная моя — когда придется и как придется свидеться нам — никто не знает и не скажет, но пока жив, надежда на будущую встречу не умирает, пока жив — твой любимый образ всегда со мной и с этим образом всегда связываются думы о будущем, о счастье, о простом человеческом счастье, к которому все мы так жадно тянемся. Сохраним это счастье, пронесем его сквозь военные бури чистым, светлым, незапятнанным!.. Крепко целую, обнимаю моих дорогих ребяток. Папа часто, часто думает о них — все они одинаково близки и дороги сердцу. Будьте здоровы, любимые мои, пиши чаще, родная. Не забывай. Всегда, всегда твой — Коля.

21 июня 1943 г.

Родная моя, любимая Муся, друг мой желанный — крепко целую тебя, ребятишек. Начинаю привыкать к новым людям. Уже вторую неделю на новом месте. Трудно было расставаться со старым коллективом, на войне ведь так сживаешься. Думаю, что привыкну и здесь — здесь много неплохих людей. Живу в сосновом лесу — это так напоминает родные места, Урал. Но эта знакомая природа обостряет тоску. Особенно ночами, лунными ночами, когда лежишь без сна в своей палатке, смотришь на лунные блики, пробивающиеся сквозь деревья, слушаешь тишину приумолкнувшего леса — в эти минуты приходят рои воспоминаний, так ярко всплывают милые, желанные образы, чередой проходят бывлые счастливые дни... В эти минуты выкристаллизовывается тоска, в ее самом

чистом, обнаженном виде. Так хочется увидеть своих любимых, обнять их, почувствовать всю необъятность человеческой близости и теплоты, заглянуть в глаза ребяток, приласкать их, видеть твои глаза, любимая моя, ощущать трепет твоего и своего сердца... Придет ли эта минута, будет ли это счастье?! Мне хочется верить в тебя, в семью — в мое счастье, мою золотую мечту. Надо верить, пока еще жив! Любимая моя — не забывай. Пиши мне чаще, чаще, чем всегда. Целую нежно, крепко тебя, ребяток. Обнимаю. Всегда, всегда твой Коля.

23 июня 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток моих, маму. Все пишу и пишу вам — впереди опять долгое ожидание ответа. Дни идут быстро, быстро... 7-й месяц скоро, а

кажется, прошло неизмеримо больше. Сколько еще продлится расставание и будет ли встреча? Вспоминаю декабрьский вечер, перрон, последнюю ласку прощания, вот мелькнул знакомый любимый образ и дальше пустота, острая боль расставания. И эта острая боль с тех пор не замирает, не угасает. Она вспыхивает все ярче и ярче. Родная моя — неужели когда-нибудь придет счастье встречи, неужели увижу вновь твои ясные, любимые глаза. Не верится в это, а в то же время всей душой тянусь к этой мечте. Сейчас мне особенно тяжело, потому что я еще привыкаю к новым людям. Успокоение дает только работа, общение с больными, «любимая моя медицина». Каждый день я смотрю на карточки ребяток и каждый раз испытываю ощущение большой светлой радости и какой-то внутренней полноты. Дети

всегда останутся детьми, никогда не изменит, никогда не забудет отца детское сердце. Будьте здоровы, любимые! Целую крепко, крепко. Всегда ваш, всегда с вами. Коля.

1 июля 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя, ребяток. Сегодня получил от тебя совершенно неожиданно письмо из Свердловска. Письма дошли совершенно случайно, так как написаны они еще по старому адресу. Опять большая радость для меня, нечаянная радость! Снова стало легче на душе. Сознание, что тебя не забывают, о тебе помнят, любят, как много дает силы, энергии это сознание.

...Как у вас нынче с огородами? Все эти дела жизни и быта семьи меня очень тревожат, а пишешь ты об этом мало. Я здоров, только похудел очень. К новому коллективу

привыкаю. Живу в лесу, в палатках — почти все время на воздухе. Родная моя, любимая — с какой любовью и нежностью вспоминаю я всегда о тебе, о детях. И будущая встреча представляется мне какой-то огромной радостью, ни с чем не сравнимой по силе и напряженности. Может быть, эта желанная встреча и будет. О смерти не думаешь. Надо думать о жизни, о победе над врагом, о счастье встречи с любимыми. Не забывай меня. Ты ведь у меня одна — мой верный, любимый друг. Я верю тебе, люблю тебя безгранично. Всегда, всегда твой. Поцелуй крепко, крепко ребяток, маму. Будьте здоровы, родные мои! Всегда ваши Коля.

5 июля 1943 г.

Родная моя, любимая Муся — крепко целую тебя и ребяток. У меня большая радость — получил от тебя

два письма. Рад слышать, что дома все относительно благополучно, только болезнь Юрочки меня тревожит. Бронхоадениты всегда подозрительны. Хорошо, что скоро будут поспевать овощи. Трудно тебе сейчас — вытерпим, любимая; мы с тобой молодые коммунисты — нам нужно быть сильными, нужно уметь ждать свое счастье, а чтобы оно скорее приблизилось, надо ковать победу над врагом — ты там, я здесь, а вместе — одно усилие, один порыв. Вероятно, после этого затишья близятся большие, решающие события. Я много уже видел и пережил на войне, поэтому спокойно гляжу в глаза судьбе. Нам не дано читать в глазах судьбы, но встретить ее стойко и мужественно — это в наших силах. А если жив буду — счастье наше придет! Я верю в него. У меня не хватает дыхания, как только представляю

себе всю радость, все счастье возможной будущей встречи! Рад за твои успехи по работе. Я тоже стараюсь работать как можно лучше, в этом ведь ключ к победе — как можно лучше работать каждому на своем посту. Будьте здоровы, а меня пусть хранит ваша любовь.

Всегда ваш, всегда твой Коля.

7 июля 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую, обнимаю тебя, деток. Так радостно сознавать, что где-то далеко есть близкий, родной, бесконечно родной человек, что о тебе помнят, любят... Радостно с таким сознанием жить, не страшно встретить любые трудности. Ты уже знаешь из газет, что, видимо, кончилась передышка, начались грозные будни боев. Враг напрягает последние силы, видимо ставит все на отчаянный «ва-банк». Хребет

зверю будет окончательно сломлен, но это дается нелегко, для этого нужны упорство, воля к победе, нужны и жертвы. Все мы здесь спокойно, без малейшей растерянности, с полной уверенностью в свои силы вступаем в новый этап войны. Это не 1941 год! Родная моя — когда ты получишь это письмо — трудно сказать, где я буду и что будет со мной, куда опять занесут пути войны. Но не забывай, что везде, всюду я с тобой, везде и всюду меня будет сопровождать твоя любовь и надежда на будущую встречу, радость которой трудно даже представить себе сейчас. Так хочется, чтобы не обманула меня эта вера в твою любовь, вера в прочность человеческих отношений, вера в дружбу, вера в самое святое, что есть в душе. Любимая моя — обо мне не тревожься. Чему быть — того не миновать, говорят. Дело не в

этом. Важно то, что я спокоен, тонус рабочий высокий, на войне я уже не новичок — все это много значит. Думаю, что в любых обстоятельствах оправдаю делом звание коммуниста и буду верным сыном своей родины. Впереди наше общее дело — победа, впереди и личное мое счастье — моя путеводная звезда — ты, твоя любовь, дети! Пиши чаще, родная моя, я по-прежнему буду часто писать тебе, может быть, коротко, но, по возможности, часто. Всегда, всегда ваш — безгранично люблю, целую, обнимаю всех. Коля.

17 июля 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Давно уже нет от тебя письма. Последнее время я жил относительно на месте, а теперь снова в движении. События на фронте знаешь какие! Большие события. Враг убеждается во-

очию, что значит воевать с Красной Армией, с советским народом в 1943 году. Успехи наши очень радуют. Сила наша и умение воевать возросли во много раз. А это как раз то, что враг недоучел, предпринимая свою кровавую авантюру. Недоучет такого важнейшего обстоятельства равносильно поражению, ожидать которого не так уж долго. Исход предрешен, но борьба идет пока еще упорная и жестокая.

Родная моя, как вы живете, что-то у меня очень болит сердце за вас, что-то я опять затосковал. Поддерживает сознание, что нужно быть твердым и стойким для победы, для счастья всего народа. Может быть, тогда придет и свое личное, желанное счастье. Всегда, всегда твой — любимая моя ясная звездочка. Целую крепко, ваш Коля.

24 июля 1943 г.

Родная моя, любимая... Крепко, нежно целую, обнимаю тебя, ребяток, маму. Получил сегодня твое письмо. Приятно сознавать, что почта стала работать так четко. Не было еще случая, чтобы за две недели доходило письмо. Рад слышать, что ты и дети здоровы, но тяжело слышать, что дети так мало видят мать из-за твоей большой нагрузки в госпитале. Теперь я знаю работу тыла и фронта. Здесь мы видим временами такую нагрузку, что о ней трудно даже представление иметь, не зная воочию, что это означает: справляемся только потому, что правильно организована работа и ни минуты не идет впустую. А иначе вообще ничего не сделаешь — только запутаешься и вымотаешь все силы, да еще и погибнуть можно, если есть непорядки в организации работы.

Нужно учесть, что мы часто работаем под бомбами и в очень сложных условиях эвакуации — все это очень усложняет всю работу. Иной раз просто приходится поражаться, как благополучно кончаются некоторые ситуации. Часто ссылаются в этих случаях на судьбу, случайность. Судьба, конечно, судьбой, но на первом месте все же человеческая воля, организованность, отсутствие паники. Это и есть главные моторы победы.

Ты пишешь, что иногда слушаешь оперу. Вот в этом я тебе завидую. Я уже не помню, когда слушал хорошую музыку, не говоря уже об опере. А так хочется музыки! С другой стороны, боишься, что если услышишь, то расчувствуешься до того, что выбьет тебя из колеи. Может быть, и музыку следует отложить до других счастливых дней, надежда на приход которых не угасает еще. Сам я не

пою — нет такой обстановки, да и голос у меня стал какой-то хриплый — все наши походы, длительное пребывание на воздухе, табак — все это не идет в пользу звучанию голоса.

...Родная моя — пиши чаще. Разве не понимаешь ты, как дороги мне твои письма. Ты моя радость, счастье моей жизни — все самое дорогое, личное связано у меня с тобой, детьми. Тебе легче — с тобой дети, у тебя есть, как ты пишешь, друзья. У меня нет никого. Только ты в мечтах моих. В эту мечту я верю, верю, что она меня не обманет. Могу ли я верить в это?! Лично я совсем один. Я силен только сознанием, что я воин, что моя, пусть маленькая, работа, это какой-то вклад в наше общее дело победы над врагом. Вот сейчас слышу над головой привычную песню — гудят немецкие самолеты, рыскают проклятые. Только на фрон-

те можно понять, что такое любовь и ненависть! Поцелуй, обними детей, маму. Безгранично люблю, всегда твой Коля.

29 июля 1943 г.

Родная моя — целую тебя, всех крепко, нежно. Как живете вы, дорогие мои? Вернулись ли дети из лагерей, здоровы ли все? Как здоровье мамы? Мое самочувствие удовлетворительное. К новому коллективу начинаю привыкать, во всяком случае в отношении работы. Из старых товарищей кой-кого уже нет в живых, некоторые лежат в госпиталях. Когда были все вместе на работе, то как-то все благополучно сходило и бомбы рвались часто, да все рядом, а как разъехались, так целая группа пострадала, и обидней всего, что не на работе, а по дороге к новому месту назначения. Таковы

превратности войны. Никто не знает вперед свою судьбу.

А как здорово бьют сейчас немцев, не только зимой, но и летом бьют. Большие события разворачиваются. Недалек, наверно, тот день, когда враг сам будет вынужден признать свое поражение. Пока он еще не признается в этом, напрягая последние свои силы. Если я останусь жив, то напишу когда-нибудь книгу о войне, книгу о любви и ненависти... Родная моя — не передать всю силу тоски по тебе, силу любви, нежности... «Я хочу, чтоб услышала ты, как тоскует мой голос живой». Тяжело быть без друга, без любимого человека, очень тяжело. Ты чувствуешь ли, любимая моя, как тянусь я к тебе всем сердцем, всем своим существом?! Когда думаю о предстоящей встрече, то при одной мысли этой дыхание захватывает. Как хо-

чется встретить твой по-прежнему ясный, ласковый взгляд. Дождусь ли этого?! Время проходит в работе, быстро идут дни. Вероятно, эта зима будет последней военной зимой. Вряд ли враг протянет еще. Наши успехи, международные события — все клонится на чашу весов победы. Родная моя — пиши чаще, меня живо интересует все, что касается дома, семьи, твоей работы. Не забывай меня — я ведь один у тебя — муж, друг, любимый и любящий. Так ведь? Сердечный привет всем. Крепко, крепко поцелуй моих дорогих ребяток. Целую крепко, всегда твой, моя любимая. Коля.

3 августа 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя, ребяткишек. Опять что-то долго нет от тебя писем. Я очень беспокоюсь. Не будучи на фронте — никогда не понять, как дороги нам ваши

письма, письма оттуда, из далекого оттуда, с чем связаны самые сокровенные желания и надежды. За самой горячей работой, за самой тяжелой, свинцовой усталостью никогда не забываются любимые образы, всегда они близки, желанны...

...Жизнь моя идет по заведенному руслу — работа, обычные фронтовые будни. Как-то недавно нас порадовали — привезли кино «Концерт фронту». Я так отвык от музыки, от театра. Картина меня сильно расстроила, вспомнилось многое... Не верится, что была когда-то другая жизнь. Кажется, целые годы отделяют меня от прежних дней. Надо бить и бить врага, стереть его с лица земли советской. Кто останется жив — те снова узнают радость мирного труда, радость любви, радость творчества. А мертвым — вечная память! Так говорится.

Жду писем с нетерпением, родная моя. Поцелуй, обними моих родных, нежных ребятков. Юрочке послал недавно письмо. Не забывай меня — твоего друга, мужа. Всегда, всегда твой Коля.

26 августа 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя, ребятков, маму. Очень давно нет от тебя писем — что опять случилось? Как будто за последнее время почта наладилась. Как ребятки мои дорогие, здоровы ли? Вспоминают папу или нет? Выросли, наверное, они, вытянулись. Как урожай, много ли собрали? Как работа в госпитале? Как много хотелось бы знать о доме, о родине, о всех вас, дорогие мои, желанные.

Коллектив, в котором я работаю, совершенно исключительный в смыс-

ле организованности и сплоченности. В этом отношении мне просто удача. Хотя и жаль было расставаться со старым коллективом, хотя и трудно привыкать к новым людям, но объективно должен сказать, что по работе я еще не видал ничего подобного. У нас больше половины коммунистов и комсомольцев и больше половины орденосцев. Причем все эти ордена и медали получены не где-нибудь, а именно в этом коллективе за его большую работу в прошлом году. Вряд ли найдется еще подобный медицинский коллектив с таким составом. И недаром ему присвоено звание гвардейского.

Где я нахожусь сейчас, очень жарко. Какие-то особенно душные дни. Едим яблоки, груши, много овощей. Но все же скоро осень. Скоро близится год, как я нахожусь

вдали от своих любимых, желанных. Горечь расставания не уменьшается от времени. Крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Не забывайте. Обнимаю, целую — всегда, всегда ваш Коля.

8 сентября 1943 г.

Родная моя, любимая — целую крепко, крепко, обнимаю тебя, ребяток, маму. Я пока здоров. За последнее время попадал в неприятные переделки, но пока все благополучно. Судьба хранит, может быть, и сохранит. Много работы и много переездов. Фронт неуклонно движется на запад, так что стоять на месте не приходится. Наступательный порыв в армии очень высок, немец еще сопротивляется, но все же бежит, и бежит повсюду. Это еще лето, начало осени, а что будет зимой! При

таких темпах наступления долго ему не выдержать. Совершенно ясно, что война немцами проиграна, вопрос только в том, когда он сам признается в этом. А в ожидании этого признания его пока что бьют повсюду. Все последние победы наши даются не легко, а с боями и жертвами. Но даже при самом сильном сопротивлении на отдельных участках всем нам здесь ясно, что немец стал уже не тот.

На трудных дорогах войны я не растерял ни капли своего чувства, ни капли своей любви, нежности и преданности. Тоскую по тебе еще больше, чем раньше, еще сильнее порыв к моей любимой, единственной, желанной. Где бы и что бы со мной ни было, моя первая и последняя мысль с вами, любимые мои. Целую крепко всех, обнимаю — всегда ваш Коля.

16 сентября 1943 г.

Родная моя, милая — крепко целую тебя, ребяток, маму. Наконец-то после долгого перерыва получил от тебя письмо. Благодарю, родная, за память и ласковое, нежное письмо. Рад слышать, что все вы здоровы. Я жив-здоров пока. Дни у нас напряженные, боевые. Фронт неуклонно идет на запад, мы все время в движении. Сколько дорог пройдено за войну! Сейчас опять идем по гоголевским местам, все вперед и вперед, ближе к «матери русских городов». Радостно наблюдать и быть участником этого неудержимого порыва Красной Армии. Радостно сознавать, что за всю пролитую нашими русскими людьми кровь, за все жертвы и разрушения, начинается возмездие — начинается разгром и изгнание врага с родной земли. Трудно передать, родная моя, пере-

дать бледными словами то чувство радости и гордости за великий порыв, который сметает сейчас всю фашистскую нечисть с лица родной земли. Мы идем по пятам немцев, они сопротивляются, местами жестоко сопротивляются, но все бегут и бегут. Путь их отступления — это путь диких разрушений, свойственных только обезумевшим варварам. Все это проходит перед глазами, запечатлевается в душе и никогда не забудется. Сейчас пишу из маленькой деревушки на перепутье между двумя этапами. За окном избы серый сентябрьский денек, моросит дождик. С утра гремит канонада нашей тяжелой артиллерии. В воздухе привычный гул наших самолетов. В этот знакомый, ободряющий гул родных моторов врывается иногда прерывистое гудение вражеского мотора. Но их уж не так и много.

Это не 41-й год. Сейчас они боятся, летают больше ночами, как бандит из-за угла, сбрасывают свои бомбы. На днях одна из этих бомб чуть нас не зацепила, но все обошлось благополучно. На фоне этого привычного уже теперь фронтового пейзажа пишу и думаю — думаю о далеких моих, любимых, родных — о тебе, ребятках, о родных местах... Увижу ли вас, желанные мои?! Обидно умирать теперь, когда уже стало начало конца. Но что же гадать о судьбе! Может быть, и придет незабвенная минута встречи, мысль о которой всегда ношу в сердце, как самое дорогое сокровище.

...Крепко поцелуй за меня всех ребяток. Пошел ли Юрочка в школу? Если пошел — то поздравь его от папы, пусть учится хорошо, сыночек мой. Здоровы ли девочки? Как Татуся моя, не забыла ли папу? Будьте здоро-

вы, дорогие мои, любимые. Верю, что не забыла меня. Хочется верить, что придет желанная встреча, снова будем все вместе, будем строить мирную жизнь, снова найдем радость любви, ласки и дружбы. Пережитые тяжелые дни еще больше скрепят наши чувства, дорогая моя, голубка ясная. Пожелай мне успехов в работе и здоровья на тяжелом нашем военном пути. Всегда твой, люблю безгранично тебя, детей. Коля.

25 сентября 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, дорогих ребяток, маму. Я пишу коротко и реже, но ваши любимые образы всегда передо мной, твоя любовь поддерживает меня в самые напряженные моменты. Работы очень много, свободного времени вообще нет, если на сон в сутки выпадает

2—3 часа, то это уже удача. Забываешь про еду и про сон — пока не до этого. Пока жив и здоров. Усталость в счет не идет, она скажется потом, когда настанут более спокойные дни, а сейчас напряжение таково, что нервы каменеют. Фронт так быстро идет вперед, что не успеешь доехать до передовой и начать работать, как приходится снова сворачиваться, чтобы догнать свои наступающие части. Так дни и проходят — головокружительная работа и броски все вперед и вперед. Враг бежит, но местами сопротивляется отчаянно, оставляя на своем пути массу разрушений. Некоторые из моих фронтовых товарищей ранены, иных уже нет...

Родная моя — как вы живете, здоровы ли все, как ребятки мои дорогие? Пиши чаще, может быть, почта и будет доходить. В самых

больших трудностях — мысли о тебе, о семье дают мне свежий импульс радости и надежды, что, может быть, увижу еще всех вас, любимые мои. Мысли о смерти где-то далеко позади, напряжение работы заглушает эти мысли, но все же хочется еще жить, работать, любить... Целую всех, обнимаю, желаю здоровья и сил на трудовом фронте. Люблю безгранично. Всегда, всегда ваши — Коля.

Береги детей, не забывай своего мужа и друга.

5 октября 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму, обнимаю, люблю.

Пишу реже, так как идут напряженные дни. Нет времени для сна и еды, работы очень много, и такой работы, которую трудно себе представить, находясь не на войне. Наша

часть находится в тяжелых, напряженных боях, поэтому и нам много дела. Все бы еще ничего, но мешает спокойно работать авиация противника. Это очень утомляет и нервирует. Есть жертвы среди товарищей. Враг бежит, но он сопротивляется, война еще не кончена. Она окончится лишь тогда, когда последний враг будет истреблен. Работайте, дорогие, лучше и больше в тылу, чтобы скорее стереть с лица земли врага. Пусть мы умрем, но наши родные, дети будут жить свободно и счастливо.

Идут большие бои. Дни и ночи напоены суровой музыкой войны. Гул самолетов — своих и вражеских, артиллерийские залпы, уханье «катюш», взрывы авиабомб, залпы зениток — все эти звуки ежедневно образуют в мозгу и в душе какой-то след. Ненависть, священная ненависть! — вот основное чувство. Много вижу страданий и

смерти. Может быть, и своя смерть уже ждет.

Родная моя — я всегда, до последнего дыхания предан тебе, детям. С последней мыслью о вас, любимых моих, буду умирать, если придется. А пока прочь мысли о смерти — работать, и работать так, чтобы еще лучше ковать смерть врагу. Тоскую о вас безгранично. Родные ребятки, сыночек мой, доченьки — будьте здоровы, мои желанные.

Не верится — неужели еще когда-нибудь увижу вас всех. Береги детей, не забывай меня — желанный мой, родной, единственный друг. Пиши чаще. Сердце каменеет невольно во время напряженной работы, а вот сейчас, когда пишу письмо — подступают слезы при мысли о вас, далеких, любимых.

Привет всем. Целую крепко, обнимаю. Всегда ваш Коля.

9 октября 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток. Истосковался я по твоим письмам, — почему не пишешь, что случилось? Я уже писал, что часть наша в боях, поэтому работы очень много. Обо всем, что видишь и переживаешь, трудно рассказать в письме. Если жив буду — расскажу при встрече. Как ребятки мои родные, здоровы ли? Знала бы ты, как я тоскую о них! Вспоминаю часто, часто с великой нежностью и любовью. Родные мои — увижу ли вас всех...

Вчера меня поздравляли с правительственной наградой — награжден второй медалью: «За отвагу». На первую медаль («За оборону Сталинграда») документация оформлена давно, но пока еще не получил. Вручение медали «За отвагу», вероятно,

будет на днях. Эту медаль получил за работу последних недель. Приятно видеть, что твоя работа оценивается, но нужно работать еще больше и лучше, чтобы скорее добить ненавистного врага.

Родная моя, любимая — неужели придет время, когда снова увидимся? Не верится! Кажется, так далеко, далеко дом, родной город, семья. Но чем дольше расставание — тем ближе сердцу родные образы, тем теснее привязанность, тем больше тоска, любовь и нежность. Будьте здоровы, мои родные — крепко целую тебя, ребяток, маму, девочек. Всегда, всегда ваши — тянусь к вам всем сердцем. Пишите чаще — ты и девочки. Привет всем. Не забывайте.

Всегда ваши Коля.

17 октября 1943 г.

Родная моя, любимая Муся, детки дорогие, мама! Крепко, нежно целую всех. Очень давно не получал от тебя ни строчки. Только на фронте сохраняются истинные, прочные привязанности, только в боевых буднях крепнет любовь к далеким, но бесконечно близким сердцу людям. В глубоком тылу психология, видимо, иная. Разумом приходится с этим мириться, но сердце никак не хочет согласиться с этим. Я жив и почти здоров, если не считать мучительной бессонницы, которая не покидает меня даже при большой усталости. Идут напряженные бои. Все время гудит артиллерия, в воздухе неумолчный шум самолетов, ночами зарево пожаров, так как немец, отступая, сжигает населенные пункты. Какой большой путь проделал я за этот год — от одной ве-

ликой реки до другой. Если жив останусь — будет что вспомнить.

Как здоровы ребятки мои дорогие, как школьные успехи сыночка? Будьте здоровы, мои дорогие, любимые. Всегда, всегда, при любых обстоятельствах — только с вами, только ваш. Целую крепко, нежно. Ваш Коля.

5 ноября 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, деток, маму, девочек, еще раз поздравляю всех вас, родные мои, с наступающим праздником, желаю здоровья, успехов в работе, желаю скорейшего разгрома врага и встречи с любимыми, дорогими. Напиши мне, как вы встретили праздник там, в далеком тылу, а я напишу, как встретили мы его у нас, на фронте, в лесу — в наших палат-

ках и землянках. К празднику у меня есть хорошие новости. Вчера мне была вручена правительственная награда — медаль «За отвагу», кроме того, присвоено звание гвардии майора. Радостно сознавать, что труд твой как-то оценен, и хочется работать еще больше и лучше, чтобы приблизить час полной победы над ненавистным врагом. Вчера мы слушали концерт. Артист исполнял одну песенку из фильма «Два бойца». Там поется о глазах любимой, о колыбели ребенка, о нежности и любви. Знаешь ли ты эту песенку? На меня она произвела исключительное впечатление. Я сидел как замороженный, и только потом почувствовал, как кажутся неудержимые слезы, слезы тоски, нежности и любви.

Целую моих дорогих ребяток, сыночка, девочек. Всегда, всегда ваши —

неизменно с вами всеми мыслями, чувствами, надеждами. Целую, любимая моя — Коля.

13 ноября 1943 г.

Темная ночь...

*Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая,
знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком
Ты слезу утираешь.*

*Смерть не страшна,
с ней встречались не раз мы в степи.
Вот и теперь надо мною
она кружится.
Ты меня ждешь
и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю,
со мной ничего не случится...*

Родная моя, любимая — крепко, крепко целую тебя, ребяток, всех, всех. Получил от тебя долгожданное письмо от 27/X. Накануне получил письмо от Юрочки и Любы. А я уже думал, к празднику никто мне не напишет. Напиши, как встретили праздник. У нас как раз была передышка в работе, поэтому сумели собраться в своих палатках и блиндажах. Выпили за Родину, за победу, за своих любимых.

Во время вечера вражеские самолеты гудели над головой, и эта песенка — как она гармонировала с обстановкой и как она отвечала настроению!

После праздника снова началась большая работа, опять закрутилось колесо наших боевых будней. Впереди предстоят очень напряженные дни в сложной и трудной обстановке. Там, где мы сейчас работаем, немцами все

сожжено и уничтожено, не только селения, но и леса.

Понятно поэтому, как сложно работать, особенно в условиях наступающей зимы.

Дорогая моя! Мучительно скучаю о тебе, о детях. Как хочется обнять всех вас, прижать к сердцу дорогие головки и высказать все, все, что накопилось за долгие месяцы расставания. Хотя в песенке и поется, что «со мной ничего не случится», но ведь это песенка, крик истосковавшейся души, а в жизни — война, кровь и страдания, безвозвратные потери. И ответит же враг за все то, что он причинил нашей Родине, нашему народу! Не уйти ему от великой кары. Победа сейчас близка, ощутима, как никогда, но немало еще будет жертв, пока успокоится бурное море войны.

Вот написал тебе, родная, и легче стало. Написал плохо — при свете пе-

чурки, в блиндаже. Пиши чаще. Расцелуй ребяток, маму, девочек. Неужели когда-нибудь придет время, когда я увижу тебя, обниму, расцелую, почувствую твоё тепло и ласку... Неужели этого уже не будет. Так хочется верить, что ещё будет! Пиши чаще. Любимая, родная, желанная моя. Твой Коля.

20 ноября 1943 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя, ребяток, маму. Пишу с нового места. Живём сейчас, как партизаны, но только уже не в степях Украины, а в лесах и болотах Белоруссии. Осенний дремучий лес — сосны и дубы, землянки, палатки — среди этой обстановки протекает наша работа. Враги близко, работы много, очень много. Не умолкают канонады, особенно ночами. Бои идут очень напря-

женные, все это разворачивается очень близко. Вообще обстановка, в которой мы сейчас находимся, очень напряженная, мы еще не бывали в таких условиях. Если останусь жив — будет что вспомнить. А сейчас надо работать и работать. Здоровье мое удовлетворительное, хотя и условия жизни далеки от нормальных. Ничего меня пока не берет. Как далека прошлая жизнь! Неужели опять увижу всех вас? Опять вернется дом, семья. Неужели это еще будет?! Родная моя — люблю тебя безгранично, тоскую о тебе, о детях. Пока жив — весь и всегда с вами. Свободные минуты случаются не часто, но думы мои, надежды мои, радость моя — всегда с тобой, с семьей. Крепко поцелуй деток. Как счастливы наши дети тем, что они не пережили непосредственно всех ужасов войны. Пиши чаще, не

забывай. Как тоскую я по тебе, любимая, как тоскую. Привет всем. Всегда твой, люблю, люблю, Коля.

30 ноября 1943 г.

Родная моя — целую крепко, крепко, обнимаю тебя, ребяток, маму, девочек. Нет и нет от вас писем, дорогие мои, что это случилось, почему забываете меня? За последнее время так много видел смерти, крови, разрушений, что не верится, что будешь живым среди этого военного смерча. Поэтому так и тянется сердце к весточке из дома, от любимых, желанных моих. Пишу с нового места, продвинулись очень далеко на запад. Успехи Красной Армии очень хорошие. Немец хотя и сопротивляется, но бежит и бежит.

Как ребятки мои дорогие, помнят ли о папе? Как учится сыночек, какие у него отметки? Как редко все

вы пишете мне. Забываете о том, как дороги для меня ваши письма. Сколько они вливают радости, надежды... Поцелуй крепко детей. Всегда, всегда твой Коля.

10 января 1944 г.

Родная моя, любимая — целую крепко, нежно — тебя, ребяток, маму, девочек. Сейчас опять начались очень напряженные боевые дни, так что работы очень и очень много. Все идем вперед и вперед, очень помалу находимся на месте, так как враг бежит отчаянно, хотя и цепляется в агонии.

Рад, что дети здоровы, одеты, сыты, рад, что сыночек мой учится хорошо. Не верится, что я еще увижу вас, дорогих моих, неужели это будет. А если будет, то встретишь ли ты меня, любимая моя, с такой же нежностью, с такой же безграничной радостью, как я всегда представляю

себе эту встречу в своем сознании. Люблю, целую, обнимаю — всегда и всегда неизменно твой Коля.

10 февраля 1944 г.

Родная моя, любимая — целую крепко тебя, ребяток, маму, девочек. Любимая моя — все время жду от тебя с нетерпением писем. Все кажется мне, что редко пишешь, забываешь меня. Как вы живете, дорогие мои? Постоянные думы о доме, о всех вас не покидают меня. Время не только не утишает боль расставания, а только усиливает эту боль.

Сейчас живем в прекрасном сосновом лесу. Только дня 3—4 как выпал снег. Сосны стоят в снеговой одежде — как напоминает это родной Урал, но только он далеко, далеко... Стоит мягкий, небольшой морозец — как это приятно после болота, сырости. Только надолго ли, мы мало

стоим на месте, все движемся вперед. Работы много, условия нелегкие. Стараюсь отдавать все работе, обидно бывает только иногда, что это стремление не находит соответствующей оценки. Но в конце концов не в этом ведь дело — ведь мы работаем не для чьих-то прекрасных глаз, а для Родины, каждое наше усилие — это еще один удар по врагу, еще один шаг к победе.

...Пошел второй год, как я не вижу тебя, голубка моя, не вижу детей. Радует только сознание, что все вы живы и здоровы, что все вы вместе под родной кровлей. Может быть, придет день, когда я вернусь под родной кров. О этот день! Где он, когда он будет реальностью, а не мечтой! Война дает мудрость человеку, что прошел через ее горнило, он получает такую зрелость, которую не дают годы обычной жизни. Человек, прошедший

войну, научается всеми фибрами души любить жизнь, ценить ее простые радости и прелести. Если суждено жить мне, родная моя, то будущая жизнь наша потечет так хорошо, так радостно! Столько будет ласки, приветов и дружбы! Мечта! Любимая — целую крепко, нежно. Поцелуй от меня ребяток, любимых моих. Всегда твой — любящий верно и неизменно. Коля.

20 февраля 1944 г.

Родная моя, любимая — крепко целую тебя, ребяток, всех, всех. Живу по-прежнему. Пока здоров. Лес, палатки, землянки, привычный уже быт. Зима стоит мягкая, снег выпал только недавно. Как всегда, много работы, и чем больше ее, тем лучше. Чувствую себя спокойным и бодрым только тогда, когда бывает большая работа и

приходится преодолевать трудности. Тогда все силы напрягаются и забываешь о мелочах жизни. Особенно же возбуждает, когда есть какая-либо опасность, нервы тогда напряжены, переживаешь какой-то спокойный, но острый, волнующий задор. Бывают минуты, когда хочется бросить свое дело и бороться непосредственно с оружием в руках. Несмотря на то, что наша работа имеет большое значение на войне, видя эту войну воочию, вблизи, невольно хочется еще ближе, еще теснее слиться с массой, непосредственно борющейся и истребляющей врага.

Как живут дорогие мои ребятки, изболелось сердце о них. Каждый день смотрю подолгу на родные образы и не могу насмотреться. Выросли-то как за год — не узнаешь. Не забыли ли они папу? Как здоровье мамы, тревожит

ее состояние. Всегда, всегда твой — родная моя. Целую тебя, детей. Коля.

28 февраля 1944 г.

Родная моя — крепко, крепко целую тебя, ребяток, маму. Как живете вы, дорогие мои? Живу по-прежнему в лесу. Работы у меня очень много, пожалуй, еще не бывало так. Иной раз просто не верится, что один человек может столько работать, точнее — столько сделать. Рад, если моя работа приносит пользу Родине и дает какой-то вклад в дело разгрома врага. Сознание этого — лучшая награда за труд.

Так и живу — время идет в работе. К лесной жизни привык. Своеобразие этой жизни особенно чувствуется ночами, когда бывают перерывы в работе и есть время отмечать в сознании эту специфику

фронтовых ночей. Темная ночь, звезды, сосновый лес, но нет безмолвия. Или проносится над головой ночной бандит, вражеский бомбардировщик-разведчик, звук которого никогда не забудешь и ни с чем не смешаешь, где-то разорвались брошенные бомбы, бьют зенитки, трассирующие снаряды их чертят на небе светлые полосы. Бьют орудия. Сколько их, ночных фронтовых звуков! Иногда наступает полная тишина, безмолвие, мирно сверкают звезды. Не верится, что это война. Тогда с особенной остротой вспоминаются родные образы, сердце тянется к нежности и ласке.

Здоровы ли все вы, родные мои? Как живут детки? Юрочке пишу одновременно. Будьте здоровы, любимые мои. Всегда ты и все в моем сердце. Всегда ваш Коля.

8 марта 1944 г.

Родная моя, любимая — крепко, нежно целую тебя, ребяток, маму. Поздравляю все женское население нашей семьи с праздником 8 Марта. Желая, родные мои, успехов в работе, здоровья. Как провели вы этот день? Я провел его в длительной и трудной дороге, на колесах, можно сказать. Едем очень далеко, в совсем новые края. Дорога дальняя и трудная, со всякими препятствиями и неожиданностями. На ночевках спим по очереди, в одежде и с оружием наготове, так как каждую минуту можно чего-либо ждать. От почты своей оторвались, поэтому пока ни получить письма, ни отправить нельзя.

Дорогие, любимые ребятки мои, здоровы ли они, увижусь ли с ними. Целую крепко, обнимаю — всегда безраздельно ваш Коля.

18 апреля 1944 г.

Родной мой мальчик, сыночек Юрочка — папа крепко, крепко целует тебя. Почему ты так редко пишешь? По последним твоим письмам вижу, что у тебя большие успехи в учении. Давно ли ты был совсем крошечка! Я часто вспоминаю, сынишка, как мы с тобой гуляли в Тюмени, в Молотове, как ты часто уставал и я носил тебя на руках. Все это было, кажется, недавно, а теперь какой большой у меня сын — моя надежда и радость! Скоро и сестренки подрастут, может быть, и они вспомнят о папе. Как вы все живете, мои родные, очень беспокоюсь о вас, особенно о питании вашем. Начинается пора огородов — много ли садите овощей в этом году? Поздравляю и всю семью с наступающим праздником 1 Мая — желаю здоровья моим дорогим.

Я пока здоров. Нахожусь очень далеко от дома. Очень много работы. Все время в боях, но судьба пока меня хранит для моих деток. Вот сейчас в свободную минуту пишу тебе — разрывы бомб, гул самолетов, хлопанье зениток, артиллерийские залпы — все это составляет ту обычную и привычную обстановку, в которой живет твой папа. Иногда бывает очень страшно, но вообще привыкаешь ко всему, даже и к страшному. Не могу привыкнуть только к тому, что я один, далеко от дома, без моих дорогих ребяток. Скучаю о тебе, сыночек мой, часто, часто вспоминаю тебя и дочек. Я тебе припас подарочек — очень интересный немецкий пистолет, годный для игры. Буду жив — привезу. Будьте здоровы, мои дорогие — целую крепко, крепко, обнимаю. Пиши чаще. Всегда твой папа.

30 апреля 1944 г.

Родной сыночек, Юрочка! Крепко целует тебя папа, поздравляю с праздником, желаю здоровья и хороших успехов в учении. Получил твое письмо с рисунками, ответил на него сразу же.

Сейчас я живу в лесу — так хорошо кругом, только вот пушки гремят да бомбы рвутся. Когда я увижу тебя, Юрочка — как тоскую о тебе и девочках. Вспоминаю часто, часто наш дом, наши комнаты, как мы с тобой играли, мой ласковый, родной мальчик. Часто я стоял над твоей кроваткой, когда ты спал, и любовался своим сыночком. Помню, как прощался с тобой, когда уходил на войну. Это было в детском садике. Поцелуй бусю, Риточку, Танюшу и Ирочку. Пиши мне чаще. Не забывай папу.

19 мая 1944 г.

Здоровы ли вы, дорогие мои? Очень беспокоюсь за ваше здоровье. Сейчас ты, наверное, уже на каникулах, отдыхаешь. «Наган» твой цел, он щелкает, да еще как щелкает! Игрушка для тебя будет хорошая. Много ли насадили картофеля, сколько садили при мне или больше? Я очень переживаю, что у вас неблагополучно с питанием, просто сердце болит по этому поводу, скорее бы вырастили овощи.

Где я нахожусь, весна в полном разгаре, все бело от цветущих яблонь и груш, вишни. Поют соловьи, квакают тысячи лягушек, на крышах домов живут аисты — видел ли ты, сынок, таких птиц, они очень большие и красивые. В природе все так хорошо, всюду жизнь и не верится, что идет война, проливается кровь.

Сейчас мы живем в деревне, а до этого все находились в лесах. Я здоров, только очень скучаю по своей родной семье, по своим ребяткам. Как хочется повидать вас, дорогие мои, желанные!

Крепко целую тебя, мой родной сынишка! Целую всех, всех, только бы вы остались здоровы — это самое главное. Война же окончится когда-нибудь, тогда будет лучше и легче жить.

Всегда твой любящий папа. Голубок мой, целую крепко, нежно!

23 августа 1944 г.

Родной мой сыночек Юрочка! Как ты живешь, мой мальчик? Почему так долго не пишешь — здоров ли? Я немножко болел, но сейчас уже здоров. Тоскую, скучаю о всех вас, любимые мои. Каждый день, находясь в чужой

стране, думаю о Родине, о доме и о всех, кто остался там. Где я нахожусь, очень много зелени, но только не такой, как у нас. Все больше дубы, ясени, клены. Много едим яблок, груш и слив. Природа красивая, но на Родине все же лучше. Я очень часто переезжаю, на одном месте живем мало. Работы очень много. Все заботы, все думы только о вас, любимые мои.

Крепко целую моего дорогого мальчика. Желаю тебе хорошо учиться во втором классе. Целую, обнимаю моих дочек, маму, всех, всех. Всегда твой любящий и нежный папа.

1 ноября 1944 г.

Родная моя жена, Муся! Трудно тебе, родная моя, с детьми. Сознаю это и всегда полон заботы о том, как вы живете. Но что толку в этой заботе. На практике, кроме аттеста-

та, я ничем не могу тебе помочь. Рад, что ты вышла на самостоятельную работу, находишься близко к дому. Я физически пока здоров. За все время болел два раза — в прошлом году бронхопневмонией и недавно гриппом. Но нервы — никуда. Нет сна — это очень мучительно, так как тянется очень давно. Живу за границей. Впечатлений, конечно, много — другая страна, люди, обычаи. Недавно я награжден орденом Красной Звезды. Вероятно, перед праздником получу. Летом просился в отпуск съездить домой, но не отпустили, так как я один по своей работе, дали только отдых при части на 10 дней, весь отдых пролежал за книжками, какие сумел достать.

Родная моя, твой далекий, родной образ всегда в моем сердце. Так хочется любить, быть счастливым. Всегда твой Коля.

12 января 1945 г.

Родной мой мальчик, сыночек Юрочка — крепко целую тебя, маму, Риту, Танюшу и Ирочку. Получил ли мое письмо к Новому году? Как ты провел каникулы, много ли катался на лыжах, отдохнул ли? Как здоровье у всех вас?

Новый год встретил у себя в землянке со своими несколькими товарищами. Вспоминали каждый о своей родине, о своем доме и выпили за здоровье наших любимых, оставшихся дома. Показывал своим товарищам ту фотографию, на которой сняты ты и Рита, и ребятки мои всем очень понравились, и один капитан, у которого детей убили немцы, даже заплакал, глядя на вас.

Работы у меня по-прежнему много, очень устал, но ничего — теперь уже меньше осталось ждать. Пло-

хо, что я очень мало сплю по ночам, даже когда есть возможность спать. Лежу, ворочаюсь — сон не идет. Прислушиваюсь к гулу самолетов и думаю, думаю, часто вспоминаю о доме, о ребятках моих, о желанной встрече.

У меня завелся маленький друг — собачка — овчарка, назвал я ее Ренальд, в память того Ренальда, который был в Тюмени. Она от меня ни на шаг. Вожу ее с собой. Во время переезда сажу ее на колени, и она с интересом смотрит в стекло кабинки. Ночью спит в землянке у печурки, и хоть маленькая собачка, но обязательно залает, если кто подойдет к дверям.

Надеюсь все же, что впереди меня ожидает радостная встреча с моими родными ребятками. Будьте здоровы, детки мои. Учись хорошенько, не забывай папу, а папа тебя никогда не за-

бывает и не забудет. Целую крепко, обнимаю. Твой папа.

19 февраля 1945 г.

Родной мой сыночек, Юрочка, получил от тебя письмо от 29 января. Спасибо, любимый мой. Крепко целую тебя, дочек и всех, всех. Как у вас здоровье?

Мне очень не нравится, что ты часто болеешь. Береги себя. Спасибо, что ты описал мне, как провел каникулы. Ренальда у меня, к сожалению, украли. Другой собачки нет. Это еще не дома — все переезды с места на место. Сейчас уже не живем в лесу, но все ездим по немецким городам.

Очень скучаю о вас, дорогие мои детки, жду не дождусь времени увидеть, расцеловать и обнять. Скоро кончим войну и уйдем из этой проклятой Германии. Не нравится мне здесь.

Будь здоров, мой мальчик. Учись хорошенько. Поцелуй всех сестреночек, маму. Пиши папе чаще.

Целую крепко, обнимаю. Твой любящий папа.

Писем больше не было... В этот день, 19 февраля 1945 года, Николай Михайлович Липин погиб.

*Письмо медсестры ППГ
Олейниковой Е. И.
дочери Липина Н. М.*

Уважаемая Маргарита Николаевна!

Сегодня День Победы, и я получила Ваше письмо с поздравлениями, спасибо за него.

С утра с мужем мы пошли на торжественный праздник к Вечному огню, а потом со своими родными и знакомыми отметили этот день. Всегда, во все годы, мы первый тост выпиваем за погибших наших товарищей, а потом уж за День Победы. Много горя принесла война: от жен отняла мужей, от детей — отцов. Многие сейчас оплакивают свои потери. Из наших родственников тоже многие не вернулись с фронта, а некоторые вернулись покалеченными. Мы прекрасно знаем,

что 20 миллионов вернуть нельзя, поэтому еще долгие годы у людей будут кровоточить сердечные раны, забыть этого нельзя, а смириться необходимо. Жизнь ни при каких обстоятельствах не останавливается, сейчас даже незаметно стало, что была война, так поднялось молодое поколение. И только памятники напоминают, что было громадное горе, да мы, оставшиеся в живых ветераны, надеваем ордена на День Победы и приходим к Вечному огню. А нас становится все меньше и меньше. Умер наш начальник госпиталя, умерла главный хирург Курмаритова, моя подружка Варя в Москве в тяжелом состоянии — она тоже работала с Николаем Михайловичем.

В этом году мы никуда не поехали на встречу — уже не то здоровье, у мужа очень болят ноги.

В этом году получили много поздравительных открыток, писем, телеграмм. Я постараюсь переснять одну или две фотокарточки, где мы группой с Николаем Михайловичем снялись в Польше, и постараюсь выслать Вам.

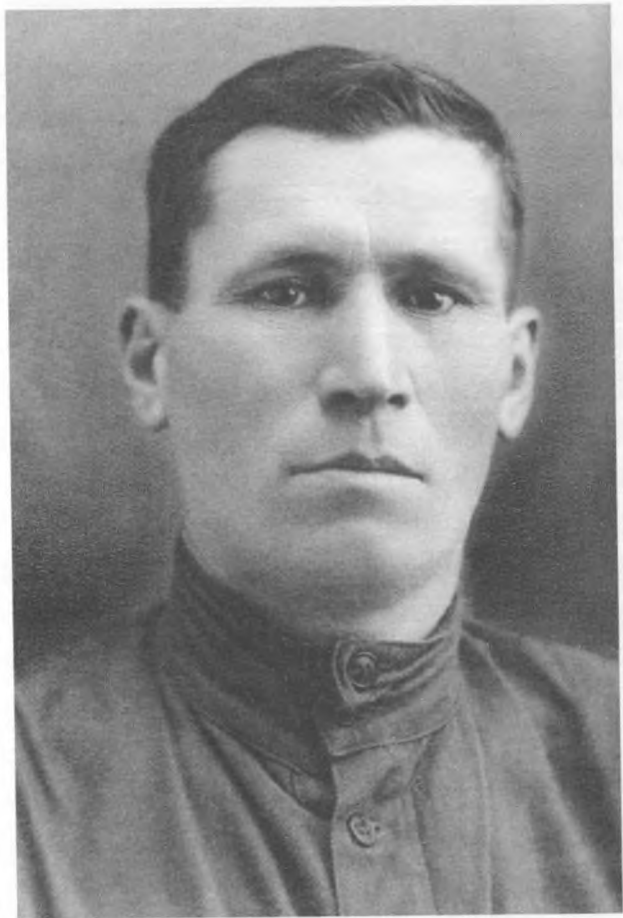
Николай Михайлович был очень честным человеком, очень хорошим врачом, он прекрасно разбирался в диагностике, а это основное. Теперь врач не ставит диагноз, пока не получит данные из лаборатории, ЭКГ, рентгенкабинета и т. д. Николай Михайлович был прекрасным врачом и человеком. Еще раз пишу Вам, Вы можете гордиться. Он был Вам хорошим отцом. Да, могу еще сказать, он был верен своей семье, мы его за это уважали.

Он очень много работал, у него никогда не было отдыха. Вести ежедневно до 100 человек больных, да плюс

административная работа, связанная с учетами, переездами, кормлением больных, выезды к больным начальникам — изматывали его, и никакой разрядки не было, кроме бомб. Он часто жил в нашей палатке, мы всегда ему отгораживали уголок простынями (одну койку и тумбочку). А жили мы три девочки — Варя Сивачева, Клава Беляева и я — Катя Кирьянова. Я была у него офицером (лейтенант медслужбы) и старшей сестрою отделения, а когда наша часть шла в бой, меня забирали в операционную или перевязочную, и тогда они одни несли всю тяжесть.

Вот, милая девочка, коротенько о Вашем отце, плакать не надо, а помнить нужно. Будьте счастливы. С уважением. До свидания.

Екатерина Ивановна Олейникова.

Аптуков Зуфар Гаталхакович

30 марта 1944 г.

Здравствуй, дочка Лидочка!

Шлю тебе свои сердечные пожелания, а также и от моих фронтовых товарищей, с которыми приходится все переживать. Лидочка, я очень рад твоему письму, о чем ты пишешь и даешь обещание лучше учиться и быть примером другим. А также желаю успеха сынку Коле, который должен обращать больше внимания на учебу и быть тоже примером всем.

Я рад, что мои детки учатся, а поэтому желаю вам самых наилучших успехов в учебе и в вашем здоровье.

Пока все. Пишите чаще с Колей и передайте привет маме.

Остаюсь ваш папа, Антуков.

П. П. С. 33896-К.

ПАМЯТЬ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

АПН, 1078082, Москва
Большая Почтовая ул. 7
INTERPRESS
00-585 Warszawa
ul. Bagatela 12
„Pamięć”

614017 г.Пермь
ул. Братьев Вагановых, д. 9, кв. 80
Х.З.Аптукова

Уважаем(у) (ая) . . . Х.З.Аптукова! . . .

Сообщаем Вам, что в процессе подготовки второго издания книги „Память”, на основании имеющихся в нашем распоряжении данных, установлено, что прах . . .
Зуфара Гаталхаковича Аптукова . . .
покойся на кладбище . . . Г.Белосток . . .
. . . Белостокской . . . восводство.

Имя его внесено в список второго издания книги „Память”.

Благодарим Вас сердечно за помощь в нашем общем стремлении, чтобы все павшие за нашу жизнь и свободу вечно жили в памяти поколений.

Ханна Прокочук

Роман Мураня

Януш Пыщмановский

Польша
00-976 Warszawa 13
skr. 77

*Что гибель нам?
Мы даже смерти
выше.*

*В могилах мы
Построились в отряд
И ждем приказа
нового.*

*И пусть не думают,
Что мертвые не
слышат,
Когда о них потомки
говорят.*

Н. Майоров.

ПИСЬМО СОЛДАТА

*Написал я все, что надо,
А увижусь — доскажу,
А теперь письмо солдата
Треугольником сложу.
Угол первый — самый главный.
Этот угол я загну,
Чтоб с победою и славой
Мы окончили войну.
Я сложу края второго,
Вот и вышел уголок,
Чтоб вернуться мне здоровым
На отеческий порог.
Ну а третий, ну а третий
В честь твою сложу скорей,
Чтоб тебя, как прежде, встретить
И назвать тебя своей.
Так лети с приветом жарким
На заветное крыльцо,
Треугольное, без марки,
Фронтное письмецо.*

Б. Лихарев

Не вернулся.

На письме последнем

Вместо штемпелей

Отметки пуль...

Но любовь солдатская

посмертно

Продолжала по земле

свой путь...

И в свой срок,

Под кипень белых

вишен

На ее заветную скамью

В парк приходят

сыновья погибших,

Дочери подкошенных

в бою.

Здесь, как прежде,

в уголке укромном

Ветками завешена скамья,

*И поет им радиоприемник
На коленях — вместо соловья.
Здесь любовь*

отцовскими глазами

*Смотрит в мир,
Собою тлен поправ,
Чистая,
Как полковое знамя,
Строгая,
Как воинский устав.*

А. Чистяков

*Не верьте — смерть
героев не скосила.
Они живут!
Их жизни нет конца.
Они встают над
собственной могилой,
Вливаются и в бронзу
и в сердца.
Стоит пред ними на
коленях время,
И многим корифеям
не решить:
Какого слава было это
племя,
Что смерть свою сумели
пережить.*

Е. Акулов

Поклонимся великим
тем годам,
Тем славным командирам
и бойцам,
И маршалам страны,
и рядовым,
Поклонимся и мертвым,
и живым —
Всем тем, которых
забывать нельзя,
Поклонимся,
поклонимся, друзья...

М. Львов

* * *

*Спасибо за память,
потомки.*

*Спасибо за верность,
потомки.*

*Спасибо за то, что
алеет заря.*

*Не зря мы над смертью
смеялись!*

*Не зря наши слезы
и ярость!*

*Не зря наши песни!
И клятвы не зря!*

Р. Рождественский

Содержание

Читателю	3
Биография	5
Память	9
Письма Н. М. Липина	14
Письмо Е. И. Олейниковой	112
Письмо З. Г. Аптукова	117
Стихи	119

87-21
«Прошу, сохрани обо мне память...»

Автор-составитель З. Р. Козлова
Художник М. В. Тарасова
Компьютерный набор — А. А. Козлов

*В книге использованы фотографии
из личного архива
М. Н. Дзюбенко и Х. З. Аптуковой*

Изд. лиц. № 070868 от 03.03.98 г.

Подписано в печать 16.05.02. Формат 70×90^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,68+0,58 вкл. Тираж 500 экз. Заказ № 1276.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Пусть мы умирим, но
наши родные дети будут жить
свободно и счастливо

Николай Липин